

Уильям Фолкнер

Уильям
Фолкнер

Королевский гамбит

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф75

Серия «XXI век — The Best»

William Faulkner

KNIGHT'S GAMBIT

Перевод с английского *Н. А. Анастасьева*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Фолкнер, Уильям.

Ф75 Королевский гамбит : [сборник] / Уильям Фолкнер ;
[пер. с англ. Н. А. Анастасьева]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2017. — 320 с. — (XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-100258-9

Уильям Фолкнер имел интересное литературное хобби: он любил детективы. Причем эта страсть к криминальному жанру не исчерпывалась любовью к чтению: мастер создал увлекательный детективный цикл о Гэвине Стивенсе — окружном прокуроре, южном джентльмене и талантливым детективе-любителе — и его юном «докторе Ватсоне», племяннике и воспитаннике Чарлзе Маллисоне. Цикл, в котором свойственная великому писателю глубина психологизма соседствует с острыми, захватывающими сюжетами, достойными лучших мастеров детектива.

Впервые сборник издается в полном составе.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© William Faulkner, 1949
© Перевод. Н. А. Анастасьев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100258-9

КЛОЧОК ЗЕМЛИ ВЕЛИЧИНОЙ С ПОЧТОВУЮ МАРКУ

(Вместо предисловия —
советы гипотетическому читателю)

Эта книга писалась на протяжении примерно десяти лет, в 30-е годы прошлого столетия, и поначалу как книга, то есть как некое художественное полотно, объединенное общим сюжетом, хоть сколько-нибудь стройной композицией, персонажами и так далее, даже не задумывалась. Новеллы писались и печатались, иногда одна за другой, иногда с более или менее продолжительными перерывами, потом автор принялся за повесть, с рассказами никак не связанную, и лишь заканчивая ее, увидел, что некоторая архитектурная и смысловая цельность все-таки образуется. Так и сложился роман в рассказах, которому Фолкнер дал название повести, притом что новеллы, став его главами, сохранили свои первоначальные наименования.

Сама форма к тому времени уже более или менее устоялась в мировой литературе. Написаны были «Дублинцы» Джеймса Джойса, «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, «В наше время» Хемингуэя, «Конармия» Бабея. А корни традиции уходят на глубины, в XIX век, в русскую классику — «Герой нашего времени», «Записки охотника».

Но даже на этом впечатляющем фоне фолкнеровский роман в рассказах (а у него есть и еще одна вещь в том же жанре — «Сойди, Моисей») обнаруживает определенную специфику.

Сюжетно их, эти детективные рассказы-главы, не связывает ничто, в каждой своя интрига, свои, как то и причисляет детективу, ложные ходы, свой способ расследования и своя развязка. Нет и общего композиционного строя, но это естественно, его и не должно быть. Правда, персонажи сквозные имеются — это Чарлз (Чик) Маллисон, возникавший на краю некоторых прежних новелл Фолкнера и переместившийся в центр незадолго до «Королевского гамбита» появившегося романа «Осквернитель праха», и прежде всего его дядя Гэвин Стивенс, окружной прокурор, выпускник Гарварда и Гейдельберга, а также Цинциннат местного разлива, как о нем говорится на страницах трилогии о Сноупсах, в двух последних частях которой, «Городе» и «Особняке», рассказчиком выступает тот же Чик Маллисон. К слову сказать, на мой взгляд, Гэвин Стивенс — это душевно самая близкая автору фигура в кругу многочисленных персонажей, населяющих его романы и новеллы, — человек добрый, умный, мягкосердечный, а главное, как сам же Фолкнер и обмолвился однажды, защищающий сирых и слабых, отстаивающий честь, справедливость и человеческое достоинство и карающий зло.

Ну да не в этом дело. И даже не в том, что в центре повествования, о чем бы оно ни велось — о кровавых преступлениях («Дым», «Рука, простертая

над водами»), о любовном ли приключении, также чреватом смертельным (но предотвращенным) исходом («Королевский гамбит»), — неизменно остаются эти двое: пятидесятилетний дядя и восемнадцатилетний племянник. Не они придают книге своего рода эпическое измерение, без которого нет никакого романа — ни классического в духе Бальзака и Толстого, ни того, что в новеллах в духе Джойса и Фолкнера. Бесспорно, эти персонажи, особенно старший из них, обладают ясно выраженной индивидуальностью; и в то же время они ее словно бы лишены — что в, частности, порождает трудности читательского восприятия (но об этом дальше). Их биографии, их черты, речь — это столько же собственная биография, черты и речь, сколько, до известной степени, общие; личности растворены во внеличной атмосфере того мира, единственным строителем, а также «хозяином и повелителем» которого с полным на то основанием провозгласил себя Уильям Фолкнер и который приобрел всемирную известность под названием Йокнапатофы, что на языке американских индейцев племени чикесо означает «медленно течет вода по равнине». У этого клочка земли величиной с почтовую марку (площадью, уточняет единственный строитель и повелитель, в 2400 квадратных миль, населенной 6298 белыми и 9313 неграми) своя история, свои предания, свои законы, здесь все друг друга и все друг про друга знают, даже если в глаза не видели и, более того, видеть не могли, потому что эти знакомые незнакомцы умерли задолго до того, как ро-

дился тот или те, кто их не знал, но знает. Вот как это выглядит.

Дядя пытается растолковать племяннику одну давнюю историю, прибегая нередко к туманным намекам, недомолвкам и скороговорке, странным при его всем известном красноречии, но во всем этом, оказывается, нет решительно никакой нужды, потому что молодому человеку уже и без всяких рассказов, подсказок и намеков все известно. Откуда? От кого? Да ниоткуда и ни от кого персонально — просто история эта, как и вообще все, что здесь произошло, давно или недавно, рассеяна в воздухе Йокнапатофы. События, о которых идет речь, случились за несколько лет до рождения Чика Маллисона, и «тем не менее это были его годы; он унаследовал их, дождался своей очереди стать наследником, как в свой черед достанется ему в наследство от отца с матерью то, что они унаследовали в свой», — и далее идет длинный перечень того, что это наследство составляет. В этой истории перемешаны быль с небылью, явь со сном, правда с легендой, но и небыль, и сны, и легенда тоже составляют общее богатство (и общее бремя), а стало быть, и персональное богатство и бремя Чика.

Быть может, еще отчетливее эта идея, это состояние личного безличия выражены в другой книге Уильяма Фолкнера, романе «Авессалом, Авессалом!». В самом его начале есть сцена, отчетливо рифмующаяся по смыслу с рассказом Гэвина Стивенса: там тоже пожилая дама пересказывает молодому человеку события многолетней давности; и в этом пере-

сказе тоже нет практической необходимости, потому что если не все, то многое из услышанного молодой человек уже и так знает: «... это была частица его собственного наследия, нажитого им за свои двадцать лет... Его детство было полно ими (*историями, случившимися в здешних краях, и именами живших здесь людей.* — Н.А.); в самом его теле, как в пустом коридоре, гулким эхом отзывались звучные имена побежденных». И тут же следует ударная, смысловая фраза: «Он был не реальным существом, не отдельным организмом, а целым сообществом».

Но ведь мы-то с вами пребываем за пределами этого мирка, по ту сторону этих событий, и то, что жители Йокнапатофы легко улавливают в случайно брошенной фразе или в полунамёке или даже в прищуре глаз, нам неизвестно и непонятно. Тут как раз я и возвращаюсь к проблеме читательского общения с Фолкнером.

Его фраза движется медленно и тяжело, останавливается по пути, чтобы вернуться к началу, а вернувшись, уходит в иное направление, захватывает множество ненужных, как кажется (нам), и опять-таки непонятных (нам) подробностей, кусает себя, как змея, за собственный хвост. Разобраться в этих хитросплетениях — поистине труд нелегкий.

Не всегда и не у всех хватает на него терпения. Фолкнер был уже широко известным (правда, больше в Европе, чем у себя дома) писателем, а респектабельный ежемесячник «Харперс» отклонил рукопись «Королевского гамбита» на том основании, что она «слишком темна и усложнена».

Есть и еще одна довольно известная история. Некая юная американка прислала Фолкнеру письмо, жалуясь на то, что, прочитав «Звук и ярость» три раза, она так ничего и не поняла.

«Попробуйте в четвертый», — лаконично откликнулся писатель.

Совет, конечно, немилосердный, и все-таки к нему стоит прислушаться.

Все дело ведь в том, что замкнутый мирок Йокнапатофы на самом деле тайно распахнут в большой мир. Нам трудно пробираться по лабиринту его тропинок и дорог, но выходит так (хоть осознается это не сразу), что, углубляясь в него, мы проходим дорогами жизни всего мирового сообщества людей, а стало быть, и собственными дорогами, сколь бы коротки они ни были.

«Мне хотелось бы думать, — говорил Фолкнер в одном из интервью, — что мир, созданный мною, — это нечто вроде краеугольного камня целой вселенной, что, сколь бы мал ни был этот камень, убери его — и вселенная рухнет».

Эта мечта сбылась — уроженец провинциально-го городка на глубоком Юге Америки, всю жизнь изображавший его специфический быт и его специфические нравы, сделался писателем для всех и на все времена.

Н. А. АНАСТАСЬЕВ

ДЫМ

Ансельм Холланд объявился в Джефферсоне много лет назад. Откуда — не знал никто. Но он был молод тогда, и не голь перекатная, во всяком случае, судя по виду, потому что не прошло и трех лет, как он женился на единственной дочери владельца двух тысяч акров лучшей в округе земли и поселился в доме тестя, где два года спустя жена родила ему двух сыновей-близнецов и где еще через несколько лет тесть умер и оставил Холланда хозяином всех угодий, переписанных на его жену. Но даже еще прежде всех этих событий мы в Джефферсоне слышали, как он повторяет чуть громче, чем следовало бы: «Моя земля, мой урожай»; а те из нас, чьи отцы и деды здесь выросли, посматривали на него с прохладцей и несколько искоса, находя этого человека бессердечным и (судя по рассказам и белых, и черных арендаторов, да и всех, кому приходилось иметь с ним дело) свирепым. Но из симпатии к его жене и уважения к тестю мы раскланивались с ним, хотя и без всякой теплоты. И когда следом за отцом ушла, оставив детей совсем еще маленькими, его жена, мы решили, что эта смерть

на его совести, что это откровенное бессердечие какого-то дурно воспитанного чужака сломало ее жизнь. И когда его сыновья повзрослели и один, а затем и другой навсегда оставили отцовский дом, нас это не удивило. И когда полгода спустя его, со ступней, запутавшейся в стремени, и переломанными ребрами, нашли мертвым в том месте, где, судя по всему, лошадь (с холки ее и боков так и не сошли следы от ударов, которые он нанес ей во время одного из своих припадков бешенства) протащила седока через железную ограду, никому из нас жаль его не стало, потому что незадолго до того он позволил себе то, что по тогдашним понятиям жителей нашего городка считалось грехом непростительным. В день, когда он умер, стало известно, что он раскапывал могилы на семейном кладбище, где покоились предки его жены и где она сама лежала уже тридцать лет. Короче, свихнувшегося, источающего ненависть старика похоронили среди могил, которые он пытался осквернить, и в положенный срок его завещание было представлено для утверждения. Содержание его нас не удивило. Мы не удивились, узнав, что даже из могилы он нанес последний удар тем, кому только и мог навредить или кого только мог обездолить: родную кровь и плоть.

Ко времени смерти отца близнецам сравнялось по сорок. Один из них, Ансельм-младший, был, по слухам, любимцем матери — возможно, потому, что больше походил на отца. Так или иначе, после ее смерти, когда мальчики были еще едва ли не детьми, нам приходилось слышать про нелады между

старым и молодым Ансами, меж тем как Вирджиниус, второй из близнецов, старался их помирить, навлекая на себя за все свои труды проклятия с обеих сторон; ну такой уж он был, этот Вирджиниус. А у молодого Анса был свой норов. Лет в восемнадцать-девятнадцать он сбежал из дому, и десять лет о нем не было ни слуху ни духу. А когда вернулся, они с братом уже были совершеннолетними, и Ансельм официально потребовал от отца, чтобы тот разделил землю — которая, как выяснилось, находилась всего лишь под управлением старого Анса, — с тем чтобы он, молодой Анс, получил свою долю. Старый Анс ответил свирепым отказом. Не приходилось сомневаться, что и требование было высказано в не менее свирепой форме, очень уж они — старый Анс и молодой Анс — походили один на другого. И еще до нас донесся слух, что, как ни странно, Вирджиниус стал на сторону отца. Да-да, такой пронесся слух. Видите ли, земля как была, так и осталась неразделенной, и мы прослышали, будто между ними разгорелась ссора, даже для них невиданная по своей свирепости — настолько свирепая, что вся прислуга, негры, разбежалась и вернулась домой только под утро; и в какой-то момент молодой Анс удалился, взяв с собой принадлежавшую ему упряжку мулов; с того дня и до самой смерти отца, даже после того как Вирджиниусу тоже пришлось покинуть дом, Ансельм ни словом не перемолвился ни с отцом, ни с братом. Правда, на сей раз из округа он не уехал. Он просто поселился в холмистой местности («откуда — по словам кого-то из наших, с ко-

торыми все были согласны, — можно увидеть, чем занимаются старик и Вирджиниус») и ближайшие пятнадцать лет жил затворником в двухкомнатном домике с земляным полом, сам себе готовил и в город ездил на своей паре мулов раза четыре в год, не больше. Было дело, его арестовали и судили за то, что он гнал виски. Защищаться он не стал, но и вины не признал тоже, был оштрафован разом за нарушение закона и неуважение к суду, и когда его брат Вирджиниус вызвался заплатить этот штраф, впал в ярость, точь-в-точь на манер отца. Он накинулся на Вирджиниуса прямо в здании суда и по собственному настоянию был посажен за решетку, а через восемь месяцев освобожден за примерное поведение и вернулся в свою хибару — угрюмый, неразговорчивый, остроскулый мужчина, которого откровенно сторонились и соседи, и совершенно незнакомые люди.

Второй из близнецов, Вирджиниус, далеко от дома не уехал и обрабатывал землю, к которой так и не сумел привязаться при жизни его отец. («Откуда бы он здесь ни взялся, — говорили люди о старом Ансе, — и какое бы воспитание ни получил, фермерскому делу его точно не учили». И, сойдясь на этом, мы говорили между собой: «В этом-то и беда, отсюда-то все раздоры между ним и молодым Ансом: тот не может видеть, как отец разоряет землю, которую мать предназначала ему и Вирджиниусу».) Но Вирджиниус далеко от отца не уехал. Радости ему от этого, верно, было немного, и потом, когда случилось все, что случилось, говорили, что Вирд-

жиниусу следовало бы знать, что ничего хорошего из такой близости не выйдет. А еще по прошествии времени говорили: «А может, он и знал». Ведь это Вирджиниус. Разве скажешь, что он тогда думал, да и вообще что у него в голове творится. Старый Анс и молодой Анс — у этих все на лице написано, точно в воду глядишь. Пусть мутную, но все равно видно, что у них на уме. Но никто не сказал бы, о чем думает или что собирается сделать Вирджиниус, пока оно само не выйдет наружу. Мы не знали даже, что и как получилось, когда Вирджиниуса, тянувшего лямку в одиночку десять лет, пока молодой Анс пребывал где-то далеко, в конце концов тоже унесло из наших краев; сам он об этом никому ни слова не сказал, наверное, даже Грэнби Доджу. Но мы знали старого Анса, и мы знали Вирджиниуса и примерно могли себе представить, как оно все сложилось.

На наших глазах старый Анс целый год не мог успокоиться после того, как молодой Анс забрал своих мулов и уехал в горы. И вот в один прекрасный момент взорвался, скажем, примерно так:

— Думаешь, теперь, как твой братец смылся, тебе остается просто болтаться неподалеку да ждать, пока вся земля достанется тебе, так, что ли?

— Вся земля мне не нужна, — сказал Вирджиниус. — Мне нужна только моя доля.

— Ах вот как, — сказал старый Анс. — Тебе хочется получить ее прямо сейчас, в узелке, верно? Стало быть, ты вроде братца требуешь, чтобы, когда вы оба стали совершеннолетними, земля была разделена.